

Памяти Евгения Витковского

Ольга Кольцова

Вечность, до встречи

Идет уже третий год, как нет с нами Евгения Витковского, Жени – для близких, ЕВ – для учеников.

Натура многогранная, Женя никогда не ограничивался чем-то одним. Всю жизнь посвятив литературе, был он и поэтом-переводчиком, и эссеистом, и прозаиком, и просто поэтом, – и издателем, составителем сборников и представительных антологий.

Поскольку в этой публикации речь идет о переводе, пусть прозвучат голоса учеников ЕВ, объединенных созданным Женей сайтом «Век перевода».

Это малая часть воспоминаний из готовящейся книги памяти Евгения Витковского «Вечность, до встречи», – названием послужила строка Жениного стихотворения.

Но сначала – небольшой отрывок из авторской преамбулы к двухтомнику избранных переводов «Вечный слушатель: Семь столетий поэзии в переводах Евгения Витковского».

Никто лучше самого автора не сформулирует, чем была для него литература – и перевод, в частности.

«...мой дом – литература, и мои неторные дороги лежат не по морским волнам, а все больше по пыльным коридорам. Всю жизнь я шел по ним и открывал незнакомые двери, не ожидая найти за ними ни Спящую Красавицу, ни огнедышащего дракона: первые спят и во сне стихов не пишут, вторые меня сами пусть ищут, если я им нужен, да и вымерли они по большей части, ничего кроме красивых скелетов после себя не оставив. За каждой дверью лежала неизвестная поэтическая страна, где люди говорили на знакомых языках – тогда я беседовал с ними и искал у них стихи, которые мне хотелось бы заставить прозвучать по-русски, – но нередко бывало и так, что в этих странах говорили на непонятных языках. В меру сил и отпущенного мне Богом времени для жизни я учил эти языки – и брался за прежнее дело. Чаще всего разочарований не бывало. Конечно, в разные годы переводил тех, чьи имена были мне дороги с юности – Йейтса и Валери, Камозенса и Рембо, Рильке и Пессоа. Но большая часть <переведенного>, наверное, две трети объема, найдена мною самим, без всякого издательского заказа, из чистого желания распахнуть как можно больше дверей из России – в мировую поэзию. Всю жизнь я стремился делать то дело, которое считал

своим, и действовал по вдохновению – а оно, как чувствует каждый, кто это испытал, дается свыше, и никак иначе. <...>

Так и тянутся передо мной тропки через коридоры между закрытыми дверями, из-под которых пробивается свет. Если во времена, когда поэтический перевод наконец-то отмыт от позорного звания «способ заработать деньги», он не только не погиб, а во многом расцвел и нашел новые дороги, если в этом есть хоть малая моя заслуга – мне, по большому счету, достаточно».

Михаил Вирозуб

Прощай, Учитель...

Не мне, возможно, следует писать мемуары о Е. Витковском, потому что встречались и беседовали мы хоть и на протяжении многих лет, однако, не так уж часто. Но он – мой учитель в переводе и не написать о нём хотя бы то, что отрывочно помню, было бы неправильно. Сейчас, когда с момента нашего знакомства прошло так много лет, память отсылает в самое начало.

Мне было года 24, когда Е. Витковский начал вести свой семинар в ЦДЛ. Я чуть опоздал на семинар к А. Штейнбергу, начал ходить к Э. Ананиашвили, потом к В. Микушевичу и, наконец, пришёл к Е. Витковскому. Для меня новым было всё: и слушатели вокруг, кое-кто из которых застал ещё семинар легендарного В. Левика, и обстановка ЦДЛ (Дома Литераторов на Поварской), где была демократичная кофейня, и где после семинарских занятий собирались все. И я, тогда ещё инженер и переводчик-любитель, ходил на все без исключения занятия, делал пробные переводы, учился, с изумлением слушая лекции ЕВ. А изумляться было чему: Витковский, помимо разбора переводов, читал лекции, открывая новый мир, литературу русского зарубежья, о которой я (как и многие другие семинаристы) не знал почти ничего. Он сыпал именами поэтов и переводчиков, читал множество стихов (он великолепно читал!), говоря о каждом из них, как о явлении литературы, но большинство из нас даже имён тех не слышали. Открывался огромный неведомый континент, где ЕВ был как у себя дома, а нам предстояло сделать по той земле первые шаги, и от этого захватывало дух. Елагин, Несмелов, Перелешин, Моршен... – из этих поэтов ЕВ позже составил 4-томник «Мы жили тогда на планете другой». Он многих знал по личной переписке (а мы и этому удивлялись), и впервые нам довелось ощутить связь того, что было «здесь»,

и того, что «там». Такой была одна из граней семинара, а самому ЕВ не было тогда и 40.

Ещё мы, разумеется, много переводили, соревнуясь друг с другом, пытаясь понять, почему ЕВ один вариант предпочитает другому. Что-то своё читали немного. А сам Витковский прочитал нам собственные стихи единожды и больше к этому не возвращался.

Сколько длилась наша учёба? Не помню. Почему-то дата выпала из памяти, а вспоминается только, что в ЦДЛ перестали предоставлять комнату для проведения семинаров, на том он и закончился.

Позже он появился уже в виде интернет-портала «Век перевода».

Мы некоторое время не общались, вернее, я для него почти не существовал – находился где-то на периферии сознания, сделав случайные переводы с немецкого для составленной им антологии трансильванской поэзии.

А однажды и вдруг начался грандиозный проект «Семь веков английской поэзии», куда в итоге я перевёл много строк. И мне, надеюсь, удалось стать таким, каким он, возможно, и хотел видеть своего ученика.

Он умел радоваться чужой удаче. Кое-кто, наверно, помнит, как, услышав или прочитав удачный перевод или стихотворение, он кричал в соседнюю комнату жене Оле: «Иди скорей сюда! Ты только послушай!...»

Помню, сдав очередную порцию строк, услышал от него: «Вы будете вспоминать эту работу, как лучшее время вашей жизни!» Я тогдашний понять, что было в его словах, не мог. Только годы спустя понял, что это была за счастливая работа.

Но и она закончилась. Я всегда звонил на Новый Год, хотя приходил не часто. Он был мне рад, предлагал поучаствовать в разных своих проектах. Я по большей части отказывался: переводы требуют много сил, много времени, а я не мог, к сожалению, позволить себе этого, зарабатывая деньги, леча ребёнка...

Так случилось, что зрелая жизнь моя прошла неподалёку от ЕВ (я ведь и жил в паре троллейбусных остановок). Конечно, изредка я приходил, был свидетелем интеллектуального фейерверка, участвовал в разговоре, понимая, что есть немного того, чем мог бы поделиться с ним, удивить, а у него такого было бесконечно много. Мы говорили о разном: о карточных играх, в которых он тоже оказался специалистом, о настоящем виски (он и в нём профессионально разбирался с точностью до названий болот, откуда берут воду для виски разных сортов). Он знал португальские фаду, любя и Амалию Родригеш, и СезариюЭвора, был ценителем классической фантастики. Иногда свидетелями нашего разговора становилась прорывавшаяся в комнату левретка, но об этой стороне его жизни пусть расскажут другие. И, конечно, говорили о стихах и переводах, о переводах и стихах.

Чему же он учил? Теперь, когда его нет в этом мире, можно кое-что осмыслить. Учил тщательности. Говорил, что переводчик обязан быть всесторонне и глубоко образованным, потому что автор ошибиться может, а переводчик нет. Однажды перед тем, как поручить мне перевод из одного классического шотландского поэта он прочёл мне лекцию о шотландской строфе «стандартный Габби». В другой раз, показывая свой потрясающий перевод «Фуги смерти» Целана, он рассказал обо всех аналогичных стихотворениях в немецкой поэзии, которые он перевёл, чтобы понять истоки стихотворения Целана. Так он учил «копать». Ещё говорил, что хорошая поэзия есть много где, учил (как оказалось, вслед за М. Гаспаровым) вниманию к «второстепенным» авторам, у которых умел увидеть значительные строки.

Немногим переводчикам удаётся привнести что-то своё в искусство перевода, оставить в переводе след. Сделать нечто кардинально новое, чему новые переводчики могут удивляться, учиться, что захотят использовать. Так, например, про Маршака можно сказать, про Цветаеву. Витковский был из таких. И не виртуозность была в его переводах отличительной чертой. Она у многих. И не внимательность к тексту, источникам, окружающей культурной среде. Да, безусловно, но это же я наблюдал у первого моего учителя И. Грингольца – блестящего переводчика Киплинга. У ЕВ меня изумляет феноменально богатый словарь, каковым, кажется, похвастать не мог вообще никто. Из каких недр памяти доставал он все эти редкие, неожиданные слова, делавшие строки красивыми и значительными?

Мы много говорили о стихах и переводах. Как же теперь очевидно, сколько я не взял от этого общения, хотя мог, мог..

Борис Буслаев

Предмет и метод

Я виделся с Евгением Витковским нечасто, и почти всегда – в его квартире на Садовом кольце. Так, забрать книгу, отдать книгу, быстренько обсудить что-то, трудно передаваемое в телефонном разговоре. Предварительно звоню, поднимаюсь, а его шевелюра уже парит растрёпанным облачком над перилами лестницы: как бы гость не заплутал в архитектурных излишествах.

Книги в этой квартире занимали все поверхности, кроме потолка. То, что у книжного человека много книжных шкафов, – вещь само собой разумеющаяся. То, что все горизонтальные поверхности заложены книгами, – как бы тоже понятно и привычно с детства. Но то, что в квартире пустых стен

просто нет, причём книжные полки сплошной пёстрой чешуёй закрывали даже фрагменты стен над дверными проёмами – это впечатляло.

И свора собак... Не любитель, я всегда полагал, что левретка — это что-то среднее между болонкой и морской свинкой. Сюрприз-и-из: в «разложенном» состоянии она способна обхватить передними лапами плечи стоящего человека и имеет все шансы облизать не успевшее уклониться лицо. А как переживал ЕВ, когда его собаки уходили из жизни одна за другой...

ЕВ никогда не претендовал на обладание некоей «теорией перевода поэзии», он просто знал... всё необходимое. Во-первых, он знал все заслуживающие внимания поэтические переводы на русский язык (включая неопубликованные) от начала времён и до возникновения в интернете массовой «сетевой поэзии»; помня и свою оценку каждого перевода, и где можно найти этот текст. Во-вторых, обладал обширнейшими знаниями в тех областях, которые часто ставят загадки перед переводчиками: религия с библеистикой, утварью и облачениями священников; охота с её разновидностями, с видами и мастями собак и лошадей; корабли с парусами, морским жаргоном и порядками; древние и устаревшие предметы быта, и т.п.

В-третьих, будучи выдающимся полиглотом, он хорошо разбирался в поэзии всех значимых европейских стран (и некоторых заморских, но говорящих на языках, близких к европейским). В-четвёртых, ЕВ знал множество древних и редких словечек русского языка (как бы не всего Даля наизусть), широко применяя их и в оригинальных стихах, и в своих стихотворных переводах — для передачи разных диалектизмов и устаревших слов языка оригинала. И, наконец, личное знакомство с огромным количеством переводчиков и знание книгоиздательского мира помогли ему находить возможности для составления и издания оригинальных и по-настоящему уникальных книг.

Очевидно, что общая теория перевода малоприменима к поэзии, где не столь важны факт и мысль, как форма и эмоция. Но отдельной и вместе с тем общепризнанной и хоть сколько-нибудь универсальной «поэтической» теории перевода не существует, поэтому каждый поэт-переводчик придумывает её себе сам.

Метод Мэтра, нигде не кодифицированный, как мне представляется, базировался на воспроизведении «музыки строки» внутри жёстко требуемого размера, с точными, богатыми и разнообразными рифмами, и с хронологической фильтрацией используемой лексики; что позволяло передавать порой до 95% смысла, а также, за счёт богатейшего словарного запаса, избегать привнесения отсебятины (которой многие поэты-переводчики заполняют лакуны в рифмах, сюжете и размере).

Настоящее же ноу-хау применял ЕВ в «педагогической» деятельности. В вычках – потому, что ему было несвойственно кого-либо целенаправленно

поучать и обучать, и учебных инструментов на форуме «Век перевода» было всего два. Первый – коллективное обсуждение всех вывешенных на форуме переводов. При этом пользу получали все: прежде всего сам критикуемый, но также и критики, и просто читатели разворачивающейся дискуссии. Сам Мэтр участвовал в обсуждении не всегда, и зачастую его молчание было информативнее иных высказываний, а его высказывания – намеренно непрямолнейны. Например, меня он первый месяц на форуме как будто вообще не замечал, но, когда я сделал четыре стихотворения Леконта де Лиля, появились замечания и от Мэтра – в результате два из этих переводов вошли в книгу. Вторым инструментом были конкурсы. Причём, по задумке ЕВ, малоопытные переводчики должны были привлекаться не только в качестве конкурсантов, но и в качестве судей. Всегда же интересно и посостязаться с другими судьями в игре «кто найдёт больше существенных недостатков», и сравнить своё понимание идеи и особенностей переводимого оригинала как с конкурентами-конкурсантами, так и с восприятием переводов другими критиками.

Увы, этот самоподдерживающийся «горшочек» эффективно варил только при достаточном количестве участников и деятельном руководстве Мэтра. А что же дальше – тишина?

Мария Козлова

Евгений Витковский

Около двадцати лет назад группа поэтов-переводчиков собралась под руководством Евгения Владимировича Витковского на сайте «Век перевода» и начала работу. Сайт был одновременно и школой для начинающих и уже сложившихся переводчиков, и местом общения, и уникальной «кухней» поэтического перевода. Итогом этой работы стали, в том числе, антология «Семь веков английской поэзии», полный свод стихотворений Оскара Уайльда, Конан Дойля, первый полный русский перевод поэтических книг Леконта де Лиля, много раз выходили Малларме, Рембо, Бодлер и многие другие.

С Евгением Витковским меня познакомил поэт и переводчик Игорь Бولчев. Было это больше десяти лет тому назад. Я заканчивала заочное отделение Литературного института имени Горького и впервые попробовала свои силы в поэтическом переводе. Профессиональным переводчиком поэзии я тогда не собиралась становиться (да и не стала им), но мне хотелось научиться переводить – а в том, что переводу нужно

учиться, сомнений у меня не было. Много позже, уже общаясь с Евгением Владимировичем, я поняла, что не ошиблась, ведь сам он являл собой прекрасный пример того, что перевод, особенно поэтический, это труд, требующий многих знаний, умений, терпения, крепких нервов и, разумеется, вдохновения. Перефразируя известные слова Фета, можно сказать, что тот не переводчик поэзии, кто не в состоянии броситься вниз головой с седьмого этажа с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху. Но эта вера ничто без тончайшего чувства меры, я бы сказала – без школы.

Наверное, именно этому и учил Евгений Витковский. Слово «учил» не совсем точное, хотя, конечно, на сайте переводы довольно строго разбирались, для начинающих переводчиков проводились конкурсы перевода, всегда была возможность показать свою работу, задать вопрос, получить совет не только от коллег по цеху, но от самого мастера. Слово «цех» приходит на ум не случайно – именно этим и был для меня «Век перевода» – сообщество единомышленников, соучеников, соделателей под неизменным руководством блестящего переводчика и уникального человека.

Насколько мне известно, сам Евгений Владимирович никогда не причислял себя ни к какой школе поэтического перевода, что не удивительно – поскольку этой школой был он сам. Человек потрясающей эрудиции, полиглот, знаток европейской и русской поэзии и культуры, Витковский обладал необыкновенной способностью – с каждым говорить как с равным себе. При этом, беспристрастным он не был – он был, как многие теперь вспоминают, сложным, а я бы сказала, что он был, прежде всего, – личностью.

У Витковского остались ученики, им издано огромное количество книг, сделано множество высококлассных переводов, многие имена впервые прозвучали для русскоязычного читателя. И мне думается, что главная заслуга Евгения Владимировича не только в продолжении, развитии и поддержании дела русского поэтического перевода, но в чём-то большем, чему не могу с ходу подобрать имя. Может быть, речь идет о русской литературе, о русской культуре, о традиции, которая есть связь, передаваемая через рукопожатие.

Когда человек уходит, о нем обычно говорят какие-то банальные, но при этом верные слова – например, о том, что здесь, среди нас, он будет жить, пока его будут помнить. Витковского будут помнить долго. Но обратная сторона этой банальной истины заключается в том, что во всех своих делах, а, в сущности, в единственном деле всей своей жизни, Евгений Владимирович Витковский был, есть и остается абсолютно незаменимым

Евгений Владимирович Витковский

Перечел стенограмму его выступления на конференции по Георгию Иванову в конце ноября 2019. И снова эти интонации. Эта смесь рыцарства и пижонства. И конечно – Георгий Иванов.

Собственно, о Георгии Иванове я узнал от него. Во второй половине 80-х Евгений Владимирович вел переводческий семинар в ЦДЛ. Тогда это стало вдруг модно. Был семинар Аркадия Штейнберга, Элизбара Ананиашвили, Владимира Микушевича. И вот Витковский тоже завел свой семинар. Многие, в том числе и я, ходили в несколько семинаров. Хотя между руководителями не всегда были самые теплые отношения. По разным причинам.

На семинарах этих кроме переводов, конечно, читали и свои стихи. Но у Витковского была еще одна особенность. Он знакомил нас с неизвестными тогда многим русскими поэтами. Он любил эффектные жесты. На одном из первых занятий попросил каждого написать список из десяти (а может, 15) любимых поэтов. (Боюсь, эти списки до сих пор хранятся в его архиве). Просмотрел наши каракули и заявил: «Думаю через несколько месяцев, ваши списки обновятся до неузнаваемости». Он читал в основном поэтов русского зарубежья. Мне в ту пору было двадцать с небольшим, я уже был утомлен жизнью, знал о поэзии все, и снисходительно слушал всех этих Елагиных, Несмеловых, Одарченков и прочую шушару второго-десятого ряда. Все это очевидно было не Блок, и не Мандельштам (которого, кстати, в списке я написал с двумя «м»). Но читал Евгений Владимирович хорошо, так что можно было и потерпеть. И вот на очередном семинаре мы собрались за овальным столом гостиной ЦДЛ и после обсуждения каких-то переводов, во второй части ЕВ сказал, что сегодня он будет читать какого-то ИвАнова. Но не Вячеслава, а другого. (Кстати, не понятно, зачем выпендриваться и ударять свою фамилию не как у людей). Я даже не помню, какие стихи были прочитаны. Но до сих пор помню, как вдруг стул дрогнул и поплыл подо мной. Буквально закружилась голова. Это был не «полет», это было какое-то полупарение, полузависание на глубине. И такого я не то что не слышал – даже не мог себе представить. Читал ЕВ по самиздатской книжке – т.е. преплетенной стопке отпечатанных на машинке листочков. Такая книжка, кстати, по тем временам стоила ох как недешево. Во-первых, такого практически ни у кого не было, а во-вторых, напечатать 500 страниц на машинке, это тоже – не хухры-мухры. Семинар закончился. Я подошел к ЕВ и просто сказал: «Евгений Владимирович, дайте мне книжку на неделю, я хочу себе перепечатать этого поэта». Просьба была, мягко говоря, не очень корректная. Но ЕВ, повторю, любил красивые жесты. Он многозначительно посмотрел на меня, а потом молча,

с ироничной улыбкой, протянул книгу. На глазах «изумленной публики». Я перепечатал себе страниц 300, переплел в красивый, белый с золотом, твердый переплет – от тома Ленина на венгерском языке. В таком же – белом с золотом – переплете потом вышел и трехтомник Георгия Иванова под редакцией Евгения Витковского.

И была еще одна история с Ивановым. В конце 80-х у меня был вечер. Первый «персональный». Я пригласил своих переводческих учителей – Элизбара Ананишвили, Владимира Микушевича, Евгения Витковского. И они пришли. И сидели. И слушали. Говорили добрые слова. Но ЕВ пришел с каким-то подарком, что-то завернутое в серую бумажку. Он кратко выступил. Развернул бумажку. И подарил портрет Георгия Иванова – обрамленное фото знаменитой работы Юрия Анненкова. Он просто развернул бумажку и протянул мне портрет. У меня перехватило дыхание. Е.В. любил красивые жесты. И умел их делать.

– Игорь, ну чему может научить Витковский? – спрашивал Элизбар Георгиевич Ананишвили со своим непередаваемым и простым как правда слегка высокомерным презрением.

– Уместить в переводе несколько ангелов на кончике строки.

– Ну разве что это. Тут, пожалуй, вы правы.

– Игорь, ну чему можно научиться у Элизбара? Который толком не может срифмовать и двух строк?

– Хотите честно, ЕВ? Аристократизму. Благородству. Естественному, чистому жесту.

– Ну, разве что. Тут, пожалуй, вы правы.

Были времена, и мы много беседовали с ЕВ. Это было нелегко. В своем нескончаемом монологе он сыпал бесконечными фактами, повторяя время от времени, «как вы помните», «как вы знаете». При этом прекрасно понимая, что ничего ни помнить, ни знать из того, что он говорит, я не мог. Но была в этих беседах, как мне казалось, какая-то взаимная теплота, какая-то человеческая нежность, основанная на общей любви – к поэзии. И вот я где-то прочел стихотворение Чиннова – «Ну что же – не хочешь, не слушай...» И говорю, что потрясающе, почти как Иванов. А ЕВ: «Хотите – дам адрес, напишите старику, ему будет приятно». «Так он еще живой?»

И это было еще одним потрясением для меня. «За границей» – это все равно, что на Луне. А оказывается, есть человек, который был знаком с Георгием Ивановым, и который сам пишет потрясающие стихи, и ЕВ с ним переписывается и может дать адрес. И я беру. И пишу письмо. И Чиннов... Нет не отвечает. («Он слишком ленив», - говорит ЕВ) Но присылает свои четыре книжки с автографами. «Ну, надо же, вам

повезло», - похоже, ЕВ даже слегка удивлен.

В девяностые «все смешалось». Были времена, когда мы не встречались годами. Но вот появляешься на Садовой Каретной. И будто продолжается только что прерванный разговор.

– Говорят, Игорь, вы грозились меня убить?

- ???

– Из пистолета

– ???

– Но я в это не верю. Не хотите сделать немного Киплинга?

Говорят, Евгений Витковский был очень сложным человеком. Капризным. Злопамятным. Могу понять, на чем это основано. Слышал много сплетен. Но в наших личных отношениях ничего такого не было. Я относился к нему с совершенным почтением. Это был мой Учитель. И, судя по всему, он относился ко мне, как не к самому плохому ученику.

Впервые на Каретной. С одним из первых вообще и первым переводом Йейтса. Направила меня туда Ольга Татарина: «Если хочешь научиться переводить – надо к Витковскому». Знаменитому, опальному, ужасному, капризному. Прихожая полна собак. Левреток. Визг, лай. Проходите. Мне звонили. Покажите. Пауза. А не хотите сделать еще немного Йейтса для книжки в серии Литпамятники издательства «Наука»?

Заслуги ЕВ перед русским переводом неоценимы. Он первый во всех смыслах историк русского перевода. «Век перевода», «Строфы века II», сайт и целая армия учеников. Одна из неотразимых черт ЕВ – нюх на талант.

Еще во времена первых семинаров ЕВ был категорически настроен на то, чтобы не переводить в стол. Он старался правдами и неправдами печатать своих учеников. По части изобретения переводных сборников ему не было равных. Одна из «жемчужин» такого рода – «Лирические города». Румынские немцы. Правда, там не только «изобретенное» – Поль Целан, Роза Ауслендер, его любимый Теодор Крамер.

Пижонство и рыцарство. Почему-то последнее слово постоянно приходит на ум. Было в ЕВ что-то Дон-Кихотское. И при этом десятки написанных, переведенных, составленных, изданных книг, нечеловеческая работоспособность. Ходили слухи, что он мог сделать до 300 рифмованных строчек в день. Последний раз мы виделись 29 ноября 2019 года. Второй день конференции к 125-летию Георгия Иванова в Литинституте. По программе он был первым выступающим. За полчаса до начала, пробегая мимо аудитории – то ли за вазой с цветами, то ли за одноразовыми стаканчиками – с удивлением, вижу, они смиренно сидят на диванчике: Ольга Кольцова и Евгений Владимирович Витковский, знаменитый, капризный, злопамятный, легендарный.